

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Въ прошлую пятницу местная католическая паства отдала последний долгъ своему любимому пастырю, о. Иустину Бонавентуре Пранайтису.

Быль чудный весенний день. Солнце живительными лучами грело пробуждающуюся землю. Кое-где, на деревьяхъ и кустахъ кладбища, зеленели распускающиеся почки. На безоблачномъ горизонте красиво вырисовывалась волнистая линия горъ Алатау, сияя ослепительною белизною своего снежнаго покрова. Неумолчный шумъ и беззаботное щебетание птицъ резкимъ контрастомъ вторило скорбнымъ, душу надрывающимъ звукамъ похороннаго гимна:

*Requiem aeternam dona Domine
Et lux perpetua luceat ei,*

Въ коленопреклоненной толпе молящихся не слышно было рыданий, но на опечаленныхъ и серьезныхъ лицахъ ясно можно было прочесть всю горечь только что понесенной тяжелой утраты...

Когда гробъ съ бранными останками о. Пранайтиса опустили въ могилу, и по крышке гулко зазвучали комки земли, кто-то вблизи меня громко произнесъ:

- Жаль, что этого стука не слышать жестокие враги почившаго. Можетъ быть, успокоились бы наконецъ.

И случайная, долетевшая до моего слуха фраза съ необыкновенною силою пробудила во мне целый рой кошмарныхъ воспоминаний, которыя несколько дней я упорно отгонялъ отъ себя.

Я снова съ болезненною яркостью увидель переполненный публикою залъ суда, пеструю, безконечную вереницу свидетелей, защитниковъ, присяжныхъ заседателей, корреспондентовъ, горящие безсильною злобою глаза подсудимаго, его друзей и "почитателей"...

Въ этой душной отравленной атмосфере почившему пастырю приходилось въ течение сорока дней выдерживать на себе взгляды преисполненные самой дикой ненависти сплошь и рядомъ выслушивать гнусныя, ничемъ незаслуженныя оскорбления, клички, угрозы. Не довольствуясь этимъ, многочисленныя сторонники "подсудимаго" буквально засыпали о. Пранайтиса анонимными письмами съ какими-то таинственными, символическими печатями, и знаками. Эти анонимы приходили въ Киевъ съ почтовыми штемпелями всехъ странъ мира и могли бы, сами по себе, составить увесистый томъ "документовъ по делу".

Помню: въ одинъ изъ последнихъ дней процесса нервы мои не выдержали этой жестокой травли, и я, пользуясь дружественностью нашихъ отношений, обратился къ почившему пастырю съ предложениемъ - предоставить хотя бы часть полученныхъ имъ "смертныхъ приговоровъ" въ распоряжение печати.

О. Пранайтисъ въ ответъ только улыбнулся своею мягкой, спокойною улыбкою.

- У меня есть заветная, неосуществленная пока мечта... - сказалъ онъ тихо. - Мечта, которой я посвятилъ лучшие годы своего пастырскаго служения на далекой окраине России... Не буду вамъ пояснять, какія, ибо, она давно уже сделалась достояниемъ польской печати, и некоторые изъ ея органовъ даже открыли у себя подписку... Такъ, вотъ, еслибы мне за эти анонимы дали недостающія денежныя суммы, я бы все же сказалъ: нѣтъ. Категорически, твердо, безповоротно, по самой простой причине: въ доброе дело нельзя примешивать ни капли зла, ничего отъ зла. А эта анонимная литература, несомненно, отъ зла... Для меня лично она давно уже утратила новизну и какой-либо интересъ. Временами, когда я здесь, на суде испытываю на себе злобу и ненависть моихъ недоброжелателей, мне хочется имъ сказать: Чего вы, господа, беснуетесь? Ведь, я стою, исключительно на фактической, документальной, научной почве. Если вы имѣете возраженія и противоречащія моимъ доказательства, принесите ихъ сюда, а я принесу свои книги и документы. Не понимаю, положительно не понимаю...

И о. Пранайтисъ съ неподдельною, - да простить меня почивший, детскою - наивностью тона продолжалъ "убеждать" меня, насколько неправы его враги, явные и тайные, продефиллировавшие передъ судомъ и прячущиеся за "символическими печатями"...

Этимъ же самымъ тономъ, безъ малейшаго признака гнева или раздраженія, всегда открыто и прямо глядя въ лицо вопрошавшему, покойный нынѣ пастырь отвечалъ на многочисленныя "ядовитости", а то и просто оскорбительные выпады защитниковъ "подсудимаго". На всемъ протяжении этого кошмарнаго процесса онъ сохранилъ невозмутимое спокойствіе духа, и только усталое выраженіе глазъ къ концу процесса свидетельствовало о томъ, какъ много и часто приходилось ему "не понимать" окружавшихъ его со всехъ сторонъ злобы и ненависти...

Такимъ сохранился въ моей памяти этотъ "Торквемада" и "перезитокъ инквизиціи", на бранные останки котораго я уронилъ невольную слезу вместе съ осиротевшею туркестанскою паствою.

Какъ и она, я хотѣлъ бы верить, что въ последнее, тихое убежище этого пастыря добраго, охраняемое ласковымъ весеннимъ солнцемъ и белоснежною линіею далекихъ горъ, не проникнетъ больше человѣческая злоба и ненависть.

Г. К-ий.

/Л. 48, №35,
«Туркестанск
ие
ведомости», 1

917Г., №35/